

В ту ночь было по-осеннему студено. Слушая рассказ Ван Дуна, Цзян Ехун почувствовал, как по спине пробежал холодок, а ветви окрестных деревьев в лунном свете показались ему когтистыми лапами, тянущимися из самой преисподней.

Ван Дун, погруженный в воспоминания, выглядел так, словно вновь очутился в кошмаре. Лишь спустя долгое время он пришел в себя. Рухнув на колени перед Ехуном, он вцепился в подол его одежды.

— Господин, умоляю вас, спасите мою младшую сестру!

Холод в душе Цзян Ехуна сменился обжигающим гневом. Жизни людей приносились в жертву из-за безумных бредней какого-то жреца — будь он прежним собой, не раздумывая, ворвался бы в деревню и перерезал бы всех причастных к этому мерзопакостному делу.

— Ты помнишь, где находится тот алтарь? — спросил Ехун, с трудом сдерживая ярость.

— Помню, — голос Ван Дуна дрожал. — До самой смерти не забуду.

— Хорошо. Найди место, где можно спрятаться, и не высывайся. Даю слово: с твоей сестрой ничего не случится.

Ван Дун дважды ударил челом о землю, так что послышался глухой стук.

— Спасибо, господин! Вечное вам спасибо!

Вернувшись в дом, Цзян Ехун так и не смог сомкнуть глаз. Мысль о том, что в Деревне Девяти Семей испокон веков творились подобные бесчинства под видом священных обрядов, заставляла его скрежетать зубами от злости.

Жун Жо поднялся с постели и подошел к нему.

— Старший брат Чу, я понимаю твое негодование. Но сейчас нельзя действовать напролом. Сперва нужно добыть неопровержимые доказательства.

— Твоя правда, — Ехун тяжело вздохнул, разжимая кулаки. — Ложись, уже поздно.

Жун Жо, подобно ласковому и послушному котенку, устроился рядом. Он спал очень тихо, почти не дыша. Цзян Ехун против воли почувствовал тонкий, едва уловимый аромат, исходящий от юноши. Он никогда не любил запах румян и пудры, считая его вульгарным, но этот аромат... ему хотелось вдыхать его снова и снова. Он тут же отогнал это наваждение, отвернувшись к стене. «Упаси бог, если Жун Жо поймет, о чем я думаю. Решит еще, что я извращенец», — промелькнуло у него в голове.

Ночь тянулась мучительно долго. Тишина давила на виски, сводя с ума: зловещая деревня вокруг и прекрасный юноша под боком — истинное испытание для духа. Сон Жун Жо был чутким, и Ехун ворочался с величайшей осторожностью, боясь его потревожить.

Наконец наступил рассвет. Сегодня должны были состояться похороны Ли Фугуя и двух его спутников. Цзян Ехун и Жун Жо сопровождали госпожу Лу — Янь Юй. Деревенские понимали, что стражники приглядывают за ними, чтобы те не вздумали притеснять вдову.

Траурные залы всех троих находились неподалеку друг от друга. Ветер в этот день поднялся небывалый; казалось, он вот-вот сорвет и унесет развевающиеся поминальные стяги. Перед погребением явился деревенский жрец, чтобы исполнить погребальный танец. Ехун не знал, откуда взялся этот обычай, но от бессонной ночи он то и дело зевал, а вид этих суеверных плясок вызывал у него лишь раздражение.

Звон ритуального колокольчика в руках жреца отозвался в голове острой болью. Ехун отошел подальше. Янь Юй застыла с каменным лицом, не выражая ни скорби, ни страха. Жрец подпрыгивал и кружился так неистово, что Ехун невольно сравнил его с одержимой обезьяной.

Вдруг раздался треск. Стол для подношений мгновенно вспыхнул. Толпа ахнула. Жрец, испугавшись, споткнулся и едва не упал. Пламя, подгоняемое ветром, разгоралось всё сильнее, пока не поглотило поминальную табличку Лу Чана.

Родня покойного вмиг побледнела. Послышались испуганные перешептывания о «каре Лунного божества». Жун Жо не сводил глаз с госпожи Лу, но та оставалась пугающе спокойной.

Слуги бросились тушить огонь, и лишь после нескольких ведер холодной воды пожар утих. Двоюродный дядя Лу Чана запричитал на всю улицу:

— Это кара! Кара Лунного божества! Он разгневан! На род Лу обрушится беда, великая беда!

Старик рыдал и бился в истерике, пока староста Ло Чуньчжи не подал знак, чтобы его увели под руки.

— Всё в порядке, разойдитесь! — громко объявил староста, разгоняя зевак. — Скоро вынос тела, готовьтесь.

Но не успела толпа разойтись, как со стороны прибежал испуганный крестьянин.

— Староста! Беда! В доме Лю Юаня поминальный зал загорелся сам собой!

Ло Чуньчжи бросился туда, Ехун и Жун Жо последовали за ним. Картина повторилась: огонь уничтожил убранство. Из трех семей, готовившихся к похоронам, в двух случились

необъяснимые пожары. Среди жителей началось брожение.

— Наверняка они обманули Лунное божество! — выкрикнул кто-то из толпы. — Только в домах тех, кто предал Его, загораются поминальные залы!

В этот момент подбежал слуга из дома Ли Фугуя, задыхаясь от бега:

— Староста... Староста! У нашего господина пожар! И в храме предков... таблички предков всех трех семей в огне!

Голоса крестьян слились в единый гул.

— Точно! Обман! Я слышал, сестра Ли Фугуя должна была стать «посланницей божества», но он спрятал её и подсунил другую девушку с таким же временем рождения!

— Быть не может! За такое проклятие падет на весь род! Ли Фугуй совсем обезумел?

— Правда, правда! Его сестру видели в городе! И Лю Юань, он тоже...

— Довольно! — рявкнул Ло Чуньчжи, обрывая пересуды.

Люди мгновенно умолкли и начали расходиться, опасливо озираясь. Цзян Ехун усмехнулся.

— Староста, что еще за «посланницы» такие?

Ло Чуньчжи вновь нацепил маску добродушного старика.

— Пустяки, господин. Древнее суеверие, не берите в голову. Мало ли что болтают... Пора выносить гробы, время не ждет.

Жун Жо незаметно подобрал обрывок обгоревшей ткани со стола и спрятал в рукав. Три погребальных шествия двинулись к родовому кладбищу.

Не успели носильщики сделать и нескольких шагов, как раздался сухой треск. Гроб Лу Чана развалился на части прямо на ходу, гвозди со звоном рассыпались по камням, один из них докатился до самых ног Жун Жо. Тело покойного вывалилось на землю. Толпа вскрикнула от ужаса.

— Лунное божество ослепило его! Смотрите на его лицо! У тех, кто лжет богу, Он забирает глаза! — вопили крестьяне.

Крик нарастал, и староста уже не мог навести порядок. Кто-то призвал проверить остальные гробы. Толпа, охваченная безумием, накинулась на гроб Ли Фугуя. Когда крышку сорвали и люди увидели лицо богача, ужас стал почти осязаемым. С телом Лю Юаня всё повторилось. Деревенские в исступлении пали на колени, расшибая лбы о землю и моля Лунное божество о пощаде.

Среди этого хаоса Цзян Ехун звучно выкрикнул приказ. Стражники, переодетые плакальщиками, мгновенно окружили его.

— Люди! — голос Ехуна перекрыл стоны. — Я не знаю вашего божества, но эти трое погибли от яда мяоцзянских гу под названием «Грезы наяву». Этот яд пробуждается от вина, вгрызается в плоть, заставляет кровь литься из всех отверстий, а затем прогрызает путь наружу через макушку, исчезая бесследно. Не верите — взгляните на темя покойных! Там должна быть дыра.

Его слова ударили подобно грому. Самые смелые подошли к телу Лу Чана и действительно обнаружили на черепе отверстие размером с мизинец. Ло Чуньчжи тут же вмешался:

— Слышали, что сказал господин Цзян? Это яд, а не кара. Прекратите эти толки! Расходитесь по делам! Живо!

Когда толпа рассеялась и покойных наконец предали земле, Цзян Ехун почувствовал, как голова идет кругом от всей этой нелепицы. Жун Жо тронул его за плечо.

— Старший брат Чу, взгляни.

Он протянул ему тот самый обрывок ткани.

— Что это?

— Я взял это со стола в доме Ли Фугуя. Понюхай.

Ехун поднес ткань к лицу.

— Пахнет сосновым маслом.

Жун Жо кивнул.

— Верно. Ветер сегодня сильный, искры от благовоний и бумажных денег легко разлетаются. Сосновое масло вспыхивает мгновенно. Пожары в трех залах один за другим — не случайность. Кто-то подготовил это заранее.

Ехун сжал ткань в кулаке.

— Но зачем? Какая в этом цель?

— Вспомни, что кричали крестьяне, когда вспыхнуло пламя, — мягко произнес Жун Жо.

— «Кара Лунного божества».

— Именно. В Деревне Девяти Семей верят, что Лунное божество карает тех, кто Его обманул. Пожар — знак гнева, а вырванные глаза — подтверждение вины. Но какая именно ложь могла так разгневать бога?

Цзян Ехун прищурился.

— «Посланницы». Люди говорили, что Ли Фугуй пожалел сестру и подменил её другой девушкой.

Жун Жо задумчиво нахмурился, выстраивая цепочку из разрозненных фактов.

— Значит, Лю Юань и Лу Чан могли поступить так же?

Ехун мгновенно подозвал Чжао Чэня.

— Выясни, были ли у этой троицы сестры или братья, которые подходили бы по возрасту. И поживее!

— Будет сделано! — Чжао Чэнь тут же скрылся из виду.

— «Посланницам» должно быть лет шестнадцать-семнадцать, — продолжал рассуждать Жун Жо. — Ван Дун говорил, что обряд проводят раз в пять лет. Если мы узнаем возраст их родных, то пойдем, на какой именно год выпало их «служение».

Цзян Ехун всё ещё не до конца улавливал суть.

— И что нам даст этот год?

— Пять лет. Десять лет назад тоже должен был быть год великого жертвоприношения. И три сестры семьи Гао исчезли именно в тот месяц, когда проводится обряд. Брат Чу, ты веришь в подобные совпадения?

Ехун замер. Мысль была чудовищной. Десять лет назад... три сестры исчезли бесследно, и тела их так и не нашли. Неужели они стали «заменой» для родных этих троих? Неужели они заняли места «посланниц» на алтаре?

Ехун крепче сжал рукоять меча. В груди всё кипело от негодования.

Жун Жо подошел ближе, заглядывая ему в глаза.

— Старший брат, докопаться до истины и очистить имена невинно убиенных — дело благородное.

Голос Жун Жо звучал как тихий дождь, смывающий пыль и гарь с души. Цзян Ехун почувствовал, как ярость отступает, сменяясь холодной решимостью.

— Я знаю. Чего бы мне это ни стоило, я найду убийцу и покончу с этим кровавым безумием, которое здесь называют традицией.

Жун Жо поднял глаза к серому, затянутому тучами небу и негромко произнес, словно обращаясь к самой вечности:

— В этом мире слишком много места для безумия...

<http://bllate.org/book/17428/1657753>